

"Понятие аристократии в России в 18 и 19 вв.: представления и реальности" | "Le concept d'aristocratie en Russie aux XVIIIe et XIXe siècles"

Автор: НГ, [Женева](#), 27.10.2021.



(c) Wikipedia

Так называлась лекция, прочитанная почетным профессором Женевского университета и Высшей школы по социальным наукам (EHESS) в Париже Владимиром Береловичем на очередной встрече Русского кружка в Женеве 6 октября. По просьбам не попавших на нее передаем краткое содержание.

|

Une conférence sur ce thème à été donnée par l'historien français Vladimir Berelowitch au Cercle russe de l'Université de Genève le 6 octobre. En réponse aux demandes de ceux qui n'ont pas pu y assister, voici la synthèse.

"Le concept d'aristocratie en Russie aux XVIIIe et XIXe siècles"

Владимир Яковлевич Берелович, о котором мы впервые [рассказали](#) читателям Нашей Газеты еще в далеком 2009 году, - историк-славист, автор многочисленных статей и книг, таких как «Советизация русской школы, 1917-1931», «Россия - СССР, 1914-1991, перемены во взглядах», «История Санкт-Петербурга» (совм. с О. Медведковой), «Великий русский век: от Александра I до Николая II» и многих работ по социокультурной истории и особенно по истории воспитания и образования в России XVIII-XX вв. Член редколлегии журнала «Cahiers du monde russe». Переводчик А. Зиновьева, И. Бабеля, В. Маяковского, И. Бродского...

В данный момент Владимир Берелович работает над новой биографией Л. Н. Толстого, в рамках которой рассматривает, в частности, вопрос о том, как слово и понятие «аристократия», «аристократы», отсутствующие в русском языке до начала 17 века, наложились на русские социальные реалии и породили в русской культуре 20 века и в представлениях элит целый ряд отношений и реакций, идущих от самовосхваления вплоть до резкого уничтожения, но отличавшихся большей частью своей амбивалентностью и постоянными сравнениями с западноевропейским миром.

Есть малоизвестный, хоть и опубликованный в Полном собрании сочинений черновик предисловия к «Войне и миру», написанный в 1856 году. Вернее, предисловия к «1805 году» - по такому названию первый том романа печатался по главам в «Русском вестнике». Предисловие было резкое и очень политически некорректное, и публиковать его Толстой в итоге не стал, но написано оно было тщательно, даже в нескольких вариантах. Вот этот текст:

«Я пишу до сих пор только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях и боюсь, что и вперед не будет других лиц в моей истории. Может быть, это нехорошо и не нравится публике; может быть, для нее интереснее и поучительнее история мужиков, купцов, семинаристов, но я не могу угодить такому вкусу.

Жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков для меня представляется однообразною и скучною, и все действия этих людей мне представляются вытекающими, большей частью, из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и материальных страстей. Жизнь этих людей некрасива.

Я никогда не мог понять, что думает будочник, стоя у будки, что думает и чувствует лавочник, зазывая купить помочи и галстуки, что думает семинарист, когда его ведут в сотый раз сечь розгами, и т.п. Я так же не могу понять этого, как и не могу понять того, что думает корова, когда ее доят, и что думает лошадь, когда везет бочку. Наконец (и это, я знаю, самая лучшая причина), что я сам принадлежу к высшему сословию и люблю его.

Я смело говорю, что я аристократ, и по рождению, и по привычкам, и по положению. Я воспитан с детства в любви и уважении к изящному, выражающемуся не только в Гомере, Бахе и Рафаэле, но и всех мелочах жизни: в любви к чистым рукам, к красивому платью, изящному столу и экипажу. Ни я, ни отец мой, ни дед мой не знали нужды и борьбы между совестью и нуждою, не имели необходимости никому

никогда ни завидовать, ни кланяться. Ежели счастье это не принадлежит всем, то из этого я не вижу причины отрекаться от него и не пользоваться им.

Я аристократ потому, что не могу верить в высокий ум, тонкий вкус и великую честность человека, который ковыряет в носу пальцем и у которого душа с богом беседует.

Все это очень глупо, может быть, преступно, дерзко, но это так. И я вперед объявляю читателю, какой я человек и чего он может ждать от меня».

Что же такое аристократия в России? Само слово это имеет греческое происхождение и означает «форму правления», которая осуществляется «превосходными людьми». Постепенно оно стало приобретать другой смысл в современных европейских языках, особенно во французском и в английском, обозначая не только форму правления, но и самих людей, правящих страной. Интерес тут в том, что это иностранное слово, духу которого не было в России до 18 века, начало эволюционировать уже на новой почве и, реагируя на события и дискуссии во Франции и в Англии, приобретать иную окраску.

В начале 18 века значение его идентично первичному, то есть в дословном переводе - «вельможедержание». С начала же 19 века, в 1810-е годы, слово это в России, как и на Западе, означает уже категорию населения. Параллельно появились пришедшие из французского «аристократ» и «аристократка», ставшие обиходными во время Французской революции - с отрицательной коннотацией: партию аристократов противопоставляют партии патриотов. В России ничего подобного не было, но позже, в 19 веке, появилось уже пренебрежительное «аристократишка».

Стоит напомнить, что в 1730 году, после смерти Петра II, Верховный тайный совет по предложению князей Дмитрия Голицына и Василия Долгорукова избрал Анну Иоанновну, как старейшую в роде Романовых, на российский престол на условиях ограничения власти. Предложенный ей для подписания текст, или «кондиции», в чем-то напоминал английскую хартию 13 века. Как писал Ключевский, произошла борьба между родовой знатью (читай - аристократией) и мелким дворянством, в которой победило дворянство. Тогда же Татищев написал текст, в котором доказывал, что аристократия для России неприемлема, ссылаясь на два исторических момента: период удельных князей (или феодальной раздробленности) и период боярского правления под конец Смутного времени (семибоярщина). Для Карамзина аристократия - также абстракция, но которая касается России и которой надо бояться («гидра аристократии»).

В начале 19 века, с опозданием по отношению к Французской революции, в западном мире начало формироваться понятие аристократии для обозначения определенной категории людей. Еще до того, как такие профессора, как Грановский в Московском университете начинают преподавать историю Европы, знакомство с английской политической философией привело россиян к мысли, что аристократия родилась в Англии и как форма правления должна являться примером для аристократии русской - об этом недвусмысленно писал посол России в Англии Семен Воронцов, не желавший возвращаться на родину, называя ее страной произвола. Это резкое письмо показывает, что «под коркой» официального двора уже начинались движения, вылившиеся в итоге в движение декабристов в 1825 году.

Важен 1830 год, когда, в разгар активной литературной жизни, произошло курьезное событие в литературном мире - полемика в «Литературной газете». С одной стороны были Вяземский, Дельвиг, Пушкин, с другой - сторонники будущей официальной

народности Булгарин, Греч, Синковский и отчасти Николай Полевой. И вот Полевой, насмехаясь над идеологическими противниками, ввел понятие «литературные аристократы», породившее полемику, в ходе которой подтвердился отрицательный смысл, вкладываемый в России в слово «аристократ» после Французской революции. «Из подражания или из того, что сказать что-нибудь хочется, а сказать от себя не сумеют, заводить у нас чужеземную терминологию, запятненную в свое время не одной грязью, оно хотя и смешно, но не извинительно», - тяжеломерно пишет Полевой, имея в виду, что происходящее во Франции нельзя перенести в Россию. Настоящим аристократом по рождению из всей этой группы был лишь Вяземский – князь, Булганин, Греч и Синковский были мещане, род Пушкиных был уже к тому времени «захудалым», и сам поэт называет себя мещанином в знаменитом стихотворении «Моя родословная»:

Смеясь жестоко над собратом,

Писаки русские толпой

Меня зовут аристократом:

Смотри, пожалуй, вздор какой!

Не офицер я, не ассессор,

Я по кресту не дворянин,

Не академик, не профессор;

Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,

Не прекословлю, право, ей:

У нас нова рожденьем знатность,

И чем новее, тем знатней.

И так далее. Понятно, что Пушкин говорит о выскочках, намекая, что если они считаются аристократами, то он, конечно, к таковым не относится. Именно к этому стихотворению отсылает нас Толстой в своем предисловии, отождествляя аристократию со свободой и независимостью.

Звание литературного аристократа имело такой вес в салонах, что проникло в частную переписку и в дневники – сам Пушкин писал Вяземскому «Ну что, милый мой аристократ...» Дневник, оставленный университетским профессором и цензором Никитенко, сыном крепостных, – клад для исследователя. В 1837 году, например, незадолго до смерти Пушкина, он писал, что «Пушкин ведет себя как аристократ», а то и «двойной аристократ» - в силу происхождения и положения в свете. «А ведь он умный человек, помимо своего таланта», - отзываясь Никитенко о Пушкине. Интересно, что когда десять лет спустя Белинский писал о сочинениях Пушкина, то, вряд ли будучи знакомым с дневником Никитенко, также отметил, что Пушкин больше дорожил своим аристократическим происхождением, чем ролью в русской литературе. По мнению Белинского, это неправильно, ведь он – не Байрон, имея в

виду, что в Англии роль аристократа – политическая, а в России – никакая. Популярность Байрона среди русских литературных аристократов была огромной.

Нам в сущности так несвойственна западная аристократия, что все рассказы о наших тузах сводятся на дикую роскошь, на пиры на целый город и так далее. А. Герцен Все чаще слово «аристократ» употреблялось в шутовском контексте. Салтыков-Щедрин, например, насмеялся над «элитой» губернского города, где нет «высшей аристократии», но есть местная. Проводится мысль, что на смену истинной аристократии, блиставшей во времена Александра Первого, пришло чиновничество. У социалиста Герцена употребление слова «аристократия» амбивалентно. В применении к западному миру, говоря о французских салонах, он пишет скорее позитивно: «Аристократическими ручками эти удивительные гостиные взлелеяли и откормили аристократическим молоком львенка, из которого выросла исполинская революция». И о России, с думой о декабристах: «Александр продолжал светские традиции Екатерины, при Николае светский аристократический тон заменяется сухим, формальным, дерзко-деспотическим с одной стороны и безусловно покорным – с другой. Смесь наполеоновской грубой манеры с чиновничьим бездушием». «Нам в сущности так несвойственна западная аристократия, что все рассказы о наших тузах сводятся на дикую роскошь, на пиры на целый город и так далее», - пишет Герцен.

Стасов, побывав на Всемирной выставке в Лондоне, пишет, описывая ее: «ничего другого не встречаешь, кроме как представителей аристократии». И о российском участии: «Подобно английской школе, наша галерея портретов есть галерея аристократических личностей. Все наши талантливые портретисты воспроизводили один только титулованный, высший круг общества, позабыв об остальных и ничуть не заботясь о них». Стасов упрекает художников в том, что они сами хотят показаться аристократами.

В 1860-е годы происходит взрыв в российском общественном мнении и слово «аристократ» становится окончательно ругательным: вспомните диалог аристократа по рождению Кирсанова с нигилистом Базаровым в «Отцах и детях» Тургенева. В словах Базарова – презрение к высшему обществу выскочек и чиновников, не заслуживающему привилегий, которыми обладает. Салтыков-Щедрин, Лесков вторят ему.

Но вернемся к Толстому, обещавшему писать только об этом знакомом ему и любимом им круге, к которому он сам принадлежал как материально и политически независимый ни от кого человек. Его за это критиковали. В частности, один анонимный критик написал о «Войне и мире», что «это не роман, а попытка аристократической военной хроники, иногда скучной и сухой». Как присутствовала аристократия в творчестве Толстого до 1866 года? В одном из первых и неудачных набросков «Детства» появляется образ матери с «аристократическим отпечатком» в лице и в слоении: «принято мнение, что порода узнается по конечностям», есть два типа людей – плебейский и аристократический. Можно ли приписывать Толстому приверженность расистским теориям при описании матери рассказчика? Вряд ли.

В первом «Севастопольском рассказе» в 1855 году идея совсем другая. Вот пример: «Для капитана Обжогова штабс-капитан Михайлов аристократ, потому что у него чистая шинель и перчатки, и он его за это терпеть не может, хотя уважает немного; для штабс-капитана Михайлова адъютант Калугин аристократ, потому что он адъютант и на «ты» с другим адъютантом, и за это он не совсем хорошо расположен к нему, хотя и боится его. Для адъютанта Калугина граф Нордов аристократ, и он его

всегда ругает и презирает в душе за то, что он флигель-адъютант. Ужасное слово *аристократ*.»

Но уже в 1856 году, находясь в Москве, Толстой пишет в дневнике: «Как ни презренен аристократизм и светскость, без него мне противен писатель <> Островский грязен, хотя и добрый человек».

Есть аристократия не ума, но нравственности. Такие аристократы те, для которых нравственные требования составляют мотив поступков. Лев Толстой Во время путешествия во Францию: «Довез меня в театр Орлов, притворяющийся аристократ». Речь идет о славившемся своими либеральными идеями сыне начальника Третьего отделения. Что этим хотел сказать Толстой? Толковать можно по-разному, особенно если знать, что Орловы стали «знатью» только при Екатерине, один из Орловых был ее любовником. «Аристократическое чувство много значит», записывает Толстой в дневнике после вечера у Аксаковых, который по рождению был дворянином, но не аристократом, и «Аристократики сшили себе щегольские мундирчики и очень были ими довольны» - об университетской братии, сравнивая ее с французскими студентами, старавшимися как можно реже одевать форменное платье.

В самых первых набросках «Войны и мира», в 1862 году, Толстой создал ряд персонажей, носивших фамилии членов его семьи – Волконские, Толстые, Горчаковы, Трубецкие. Волконские (впоследствии ставшие в романе Болконскими) – «гордый, дельный, разумный богач и его дочь Мария – старая дева, спасающаяся самоотвержением, даровита, музыкантша, политически умная и аристократка, недоступная пошлости житейской». Аристократкой называет Толстой и мать Марии Болконской, и это – единственные два персонажа в романе, которых он причисляет к этой категории.

Лев Толстой не мог не знать, кем был его прапрадед Петр Андреевич, ставший графом после того, как увез царевича Алексея из Австрии. Это был очень умный человек, о котором Петр I сказал, что будь он не таким умным и незаменимым, давно потерял бы свою голову. Оттуда, через связи с царской семьей, пошла фортуна рода. А Волконский – князь, потомок Рюрика, он выше Романовых, и этим все сказано, об этом в «Войне и мире» говорит Куракин.

В сознании Толстого понятие аристократии как высшего круга общества, элиты было прочно укоренено, он перенял это слово и сделал его вполне русским. В 1900 году он писал в дневнике: «Есть аристократия не ума, но нравственности. Такие аристократы те, для которых нравственные требования составляют мотив поступков».

[Россия](#)

Статьи по теме

[Владимир Берелович - русский женевец из Парижа](#)

[Как сегодня пишется история России?](#)

[Изучать Россию в Женеве: первые впечатления](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/ponyatie-aristokratii-v-rossii-v-18-i-19-v-v-predstavleniya-i-realnosti>